

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Радиоприемник «Домбай-306»

Новый всеволновый радиоприемник «Домбай-306» отличается от предшествующих моделей повышенной выходной мощностью, улучшенным качеством звучания. В его конструкции применены интегральные микросхемы. Увеличена энергоемкость источника питания, имеется автоматическая подстройка частоты в УКВ диапазоне.

«Домбай-306» компактен, удобен в обращении. Чтобы не мешать окружающим при прослушивании передач, к нему можно подключить головные телефоны.

Цена — 79 руб.

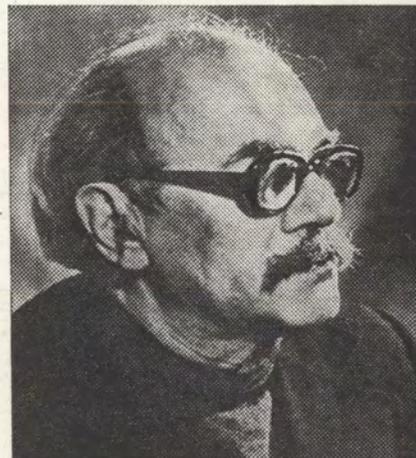
ЦКРО «Радиотехника»

ОГОНЁК

№ 8

1987

Давид САМОЙЛОВ

ДАЙ ВЫСТРАДАТЬ
СТИХОТВОРЕНЬЕ...

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

Б И Б Л И О Т Е К А « О Г О Н Е К » № 8

Давид САМОЙЛОВ

ДАЙ ВЫСТРАДАТЬ
СТИХОТВОРЕНЬЕ...

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Давид САМОЙЛОВ

От большинства из нас, кого современники называют поэтами, остается не так уж много. «Поэзия — та же добыча радия» (Маяковский). Отбор этот производят читатели — все виды читателей, которых нам посчастливилось иметь.

Несколько слов о себе.

Я 1920 года рождения. Москвич. Мне повезло в товарищах и учителях. Другьями моей поэтической юности были Павел Коган, Михаил Кульчицкий, Николай Глазков, Сергей Наровчатов, Борис Слуцкий. Учителями нашими — Тихонов, Сельвинский, Асеев, Луговской, Антокольский. Видел Пастернака. Встречался с Ахматовой и Заболоцким. Не раз беседовал с Мартыновым и А. Тарковским. Дружил с Марией Петровых. Поэтическая школа была строгая.

Воевал. Тяжело ранен. Печататься начал после войны. Первая книга вышла в 1958 году.

У меня восемь поэтических книг («Ближние страны», «Второй перевал», «Дни», «Волна и камень», «Весть», «Залив», «Голоса за холмами», «Горсть»). Наиболее полно мои стихи представлены в сборниках «Избранное» (1980) и «Стихотворения» (1985).

Много переводил. Из больших поэтов — Рембо, Аполинера, Лорку, Брехта, Незвала, Тувима, Галчинского, Бажана, Эминеску и многих других. Мои стихи переведены на главные европейские языки. Выходили отдельными изданиями в нескольких странах.

СОРОКОВЫЕ

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке,
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю.
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые!..
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

СТАРИК ДЕРЖАВИН

Рукоположения в поэты
Мы не знали. И старик Державин
Нас не заметил, не благословил...
В эту пору мы держали
Оборону под деревней Лодвой.
На земле холодной и болотной
С пулеметом я лежал своим.

Это не для самооправдания:
Мы в тот день ходили на заданье,
А потом в блиндаж залезли спать.
А старик Державин, думая о смерти,
Ночь не спал и бормотал: «Вот черти,
Некому и лиру передать!»

А ему советовали: «Некому?
Лучше б передали лиру некоему
Малому способному. А эти,
Может, все убиты наповал!»
Но старик Державин воровато
Руки прятал в рукава халата,
Только лиру не передавал.

Он, старик, скучал, пасьянс раскладывал.
Что-то молча про себя загадывал.
(Всё занятие — по его годам.)
По ночам бродил в своей мурмопочке,
Замерзал и бормотал: «Нет, сволочи!
Пусть пылится лучше. Не отдам!»
Был старик Державин льстец и скарעד,
И в чинах, но разумом велик.
Знал, что лиры запросто не дарят.
Вот какой Державин был старик!

* *
*

Тогда я был наивен,
Не ведал, в чем есть толк.
Купите за пять гривен,
А если надо — в долг.

Тогда я был возвышен,
Как всадник на коне.
Не знал, что десять пишем
И держим два в уме.

Тогда я был не этим —
Я был совсем другим.
Не знал, зачем мы светим
И почему горим.

Тогда я был прекрасен,
Бездельник молодой.
Тогда не падал наземь
Перед любой бедой.

* *
*

Л. Ч.

Полночь под Иван-Купала.
Фронта дальние костры.
Очень рано рассветало.
В хате жили две сестры.

Младшая была красotka,
С ней бы было веселей,
Старшая глядела кротко,
Оттого была милей.

Диким клевером и мятой
Пахнул сонный сеновал.
На траве, еще не мятой,
Я ее поцеловал.

И потом глядел счастливый,
Как светлели небеса,
Рядом с этой, некрасивой, —
Только губы и глаза.

Только слово: «До свиданья!» —
С легкой грустью произнес.
И короткое рыданье
С легкой грустью перенес.

И пошел, куда не зная,
С автоматом у плеча,
«Белоруссия родная...»
Громким голосом крича.

СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА

Когда среди шумного бала
Они повстречались случайно,
Их встреча, казалось сначала,
Была не нужна и печальна.

Он начал с какого-то вздора
В своем ироническом тоне.
Но, не поддержав разговора,
Она уронила ладони.

И словно какая-то сила
Возникла. И, как с палимпсеста,
В чертах ее вдруг проступила
Его молодая невеста.—

Такой, как тогда, на перроне,
У воинского эшелона,
И так же платочек в ладони
Сжимала она обреченно.

И в нем, как на выцветшем фото,
Проявленном в свежем растворе,
Вдруг стало пробрезживать что-то
Былое в лице и во взоре.

Вдвоем среди шумного бала
Ушли они в давние даты.
— Беда, — она тихо сказала, —
Но оба мы не виноваты.

Меж нашей разлукой и встречей
Война была посередине.
И несколько тысячелетий
Неволью нас разъединили.

Но как же тогда, на вокзале,
Той осенью после победы,—
Вы помните, что мне сказали
И мне возвратили обеты?

— Да, помню, как черной вдовою
Брела среди пасмурных улиц.
Я вас отпустила на волю,
Но вы же ко мне не вернулись...

Вот так среди шумного бала,
Где встретились полуседыми,
Они постигали начало
Беды, приключившейся с ними.

Все, может быть, было уместно:
И празднества спад постепенный,
И нежные трубы оркестра,
Игравшего вальс довоенный.

* *
*

Дай выстрадать стихотворенью!
Дай вышагать его! Потом,
Как потрясенное растение,
Я буду шелестеть листом.

Я только завтра буду мастер,
И только завтра я пойму,
Какое привалило счастье
Глупцу, шуту, бог весть кому —

Большую повесть поколенья
Шептать, нащупывая звук,
Шептать, дрожа от изумленья
И слезы слизывая с губ.

ПАМЯТЬ

Е. А.

Я зарастаю памятью,
Как лесом зарастает пустошь.
И птицы-память по утрам поют,
И ветер-память по ночам гудит,
Деревья-память целый день лепечут.

И там, в пернатой памяти моей,
Все сказки начинаются с «однажды».
И в этом однократность бытия
И однократность утоления жажды.

Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит...
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может.

ИЗ ДЕТСТВА

Я — маленький, горло в ангине.
За окнами падает снег.
И папа поет мне: «Как ныне
Собирается вещий Олег...»

Я слушаю песню и плачу,
Рыданье в подушке души,
И слезы постыдные прячу,
И дальше, и дальше прошу.

Осеннею мухой квартира
Дремотно жужжит за стеной.
И плачу над брэнностью мира
Я, маленький, глупый, больной.

ВЫЕЗД

Помню — папа еще молодой.
Помню выезд, какие-то сборы.
И извозчик — лихой, завитой.
Конь, пролетка, и кнут, и рессоры.

А в Москве — допотопный трамвай,
Где прицепом старинная конка.
А над Екатерининским — грай.
Все впечаталось в память ребенка.

Помню — мама еще молода,
Улыбается нашим соседям.
И куда-то мы едем. Куда?
Ах, куда-то, зачем-то мы едем!

А Москва высока и светла.
Суматоха Охотного ряда.
А потом — купола, купола.
И мы едем, все едем куда-то.

Звонко цокает кованый конь
О булыжник в каком-то проезде.
Куполов угасает огонь,
Зажигаются свечи созвездий.

Папа молод. И мать молода.
Конь горяч. И пролетка крылата.
И мы едем, незнамо куда, —
Все мы едем и едем куда-то.

ЦЫГАНЕ

Нас в детстве пугали няни,
Что уведут цыгане.
Ах, вы, нянюшки-краси,
Жаль, что меня не украли.

Бродил бы с табором лунным
(Странно-туманно).
Кони под месяцем юным.
Запах тимьяна.

Где вы, мои цыгане,
Плясуны, конокрады?
Где вы, мои цыганки,
Где вы, сердца отрады?

В поэзии нашей великой
Есть цыганская нота.
И звучит эта нота,
Когда уж жить неохота.

(«Странно-туманно.
Расстались неожиданно.
На сердце рана,
И жизнь нежеланна».)

Пока луна не погасла.
На свете будет цыганство:
Песня, обман, лукавство,
Скрипка и постоянство.

Я помню цыгана Игната
В городе Кишиневе.
Он мне играл когда-то
О давней моей любви.

(«Странно-туманно
Вечером рано.
Расстались неожиданно,
И на сердце рана».)

Узел моей печали,
Скрипка, стяни потуже...
Ах, если б нянюшки знали,
Как спасти наши души!

ВЕЧЕРОМ

Мальчик играл в оловянных солдат,
Девочка куклу качала.
Этот тысячелетний обряд
Весь повторялся с начала.

Девочка спела свое: «Ай-люли!»
Мальчик заснул героем.
Ветки качались. По небу шли
Тучи сомкнутым строем.

Глаз не смыкая, кукла спала.
И на ночном привале,
В кучу сбившись у края стола,
Стоя солдатики спали.

* *
*

Мне снился сон. И в этом трудном сне
Отец, босой, стоял передо мною.
И плакал он. И говорил ко мне:
«Мой милый сын! Что случилось с тобою?»

Он проклинал наш век, войну, судьбу.
И за меня он требовал расплаты.
А я смиренно говорил ему:
— Отец, они ни в чем не виноваты.

И видел я. И понимал вдвойне,
Как буду я стоять перед тобою
С таким же гневом и с такой же болью...
Мой милый сын! Увидь меня во сне!..

* *
*

Давай поедem в город,
Где мы с тобой бывали.
Года, как чемоданы,
Оставим на вокзале.

Года пускай хранятся,
А нам храниться поздно.
Нам будет чуть печально,
Но бодро и морозно.

Уже дозрела осень
До синего налива.
Дым, облако и птица
Летят неторопливо.

Ждут снега. Листопады
Недавно отшуршали.
Огромно и просторно
В осеннем полушарье.

И все, что было зыбко,
Растрепанно и розно,
Мороз скрепил слюною,
Как ласточкины гнезда.

И вот ноябрь на свете,
Огромный, просветленный,
И кажется, что город
Стоит ненаселенный—

Так много сверху неба,
Садов и гнезд вороных,
Что и не замечаешь
Людей, как посторонних.

О, как я поздно понял,
Зачем я существую!
Зачем гоняет сердце
По жилам кровь живую.

И что порой напрасно
Давал страстям улечься!..
И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься...

* *
*

Д. К.

Кто устоял в сей жизни трудной,
Тому трубы не страшен судной
Звук безнадежный и нагой.
Вся наша жизнь — самосожженье,
Но сладко медленное тленье,
И страшен жертвенный огонь.

* *
*

То осень птицы легче
Опустится на плечи
Осиновым листом...
Но это все потом.

И графика пейзажей,
Изображенных сажей
На воздухе пустом...
Но это все потом.

А что было вначале?
Какие-то печали,
Вошедшие в мой дом...
Нет! Это все потом!

* *
*

В. Б.

И ветра вольный горн,
И речь вечерних волн,
И месяца свеченье,
Как только стали в стих,
Приобрели значенье.
А так — кто ведал их!

И смутный мой рассказ,
И весть о нас двоих,
И верное реченье,
Как только станут в стих,
Приобретут значенье.
А так — кто б знал о нас!

* *
*

Выйти из дому при ветре,
По непогоде выйти.
Тучи и рощи рассветны
Перед началом событий.

Холодно. Вольно. Бесстрашно.
Ветрено. Холодно. Вольно.
Льется рассветное брашно.
Я отстрадал — и довольно!

Выйти из дому при ветре
И поклониться Отчизне.
Надо готовиться к смерти
Так, как готовятся к жизни...

* *
*

3. Г.

Повтори, воссоздай, возверни
Жизнь мою, но острей и короче.
Слей в единую ночь мои ночи
И в единственный день мои дни.

День единственный, долгий, единый,
Ночь одна, что прожить мне дано.
А под утро отлет лебединый —
Крик один и прощанье одно.

* *
*

Перед тобой стоит туман,
А позади — вода,
А под тобой сыра земля,
А над тобой звезда.

Но в мире ты не одинок,
Покуда чувствуешь ты
Движенья моря и земли,
Тумана и звезды;

Покуда знаешь о себе,
Что ты проводишь дни,
Как неживое существо:
Такое, как они.

А большего не надо знать,
Ведь прочее — обман.
Поет звезда, летит прибой,
Земля ушла в туман.

* *
*

Примеряться к вечным временам,
К бесконечным расстояниям —
Это все безмерно трудно нам,
Вопреки стараниям.

Легче, если расстояние — пядь,
Если мера времени — минута.
Легче жить. Труднее умирать
Почему-то.

* *
*

...И тогда узнаешь вдруг,
Как звучит родное слово.
Ведь оно не смысл и звук,
А уток пережитого,
Колыбельная основа
Наших радостей и мук.

И всех, кого любил,
Я разлюбить уже не в силах!
А легкая любовь
Вдруг тяжелеет
И опускается на дно.

И там, на дне души,
Загустевает, как в погребке зарытое вино.

Не смей, не смей из глубины доставать
Все то, что там скопилось и окрепло!
Пускай хранится глухо, немо, слепо,
Пускай! А если вырвется из склепа,
Я предпочел бы не существовать,
Не быть...

АЛЕНУШКА

Когда настанет расставаться —
Тогда слетает мишура.
Аленушка, запомни братца!
Прощай — ни пуха, ни пера!

Я провожать тебя не выйду,
Чтоб не вернулась с полпути.
Аленушка, забудь обиду
И братца старого прости.

Твое ль высокое несчастье?
Моя ль высокая беда?..
Аленушка, не возвращайся,
Не возвращайся никогда.

НАЗВАНЬЯ ЗИМ

У зим бывают имена.
Одна из них звалась Наталья.
И было в ней мерцанье, тайна,
И холод, и голубизна.

Еленю звалась зима,
И Марфою, и Катериной.
И я порою зимней, длинной
Влюблялся и сходил с ума.

И были дни, как шерсть и мех,
Как теплый пух зимы туманной...
А эту зиму звали Анной,
Она была прекрасней всех.

* *
*

Была туманная луна,
И были нежные березы...
О март-апрель, какие слезы!
Во сне какие имена!

Туман весны, туман страстей,
Рассудка тайные угрозы...
О март-апрель, какие слезы —
Спросонья, словно у детей!..

Как корочку, хрустящий след
Жуют рассветные морозы...
О март-апрель, какие слезы!
Названья и причины нет.

Вдали, за гранью голубой,
Гудят в тумане тепловозы...
О март-апрель, какие слезы!
О чем ты плачешь? Бог с тобой!

* *
*

Пахло соломой в сарае,
Тело — травой и ветром,
Губы — лесной земляникой,
Волосы — яблоней дикой.

Были на раннем рассвете
Легкие, свежие грозы.
Мы просыпались. И снова
Сном забывались, как дети.

Утром она убегала,
Заспанная и босая,
С крупных ромашек сбивая
Юбкой раскосые капли.

Да! Уже было однажды
Сказано: остановиться!
Сказано: остановиться!
Остановиться мгновенью!

«ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ»

Стояли они у картины:
Саврасов. «Грачи прилетели».
Там было простое, родное.
Никак уходить не хотели.

Случайно разговорились,
Поскольку случилась причина.
— Саврасов. «Грачи прилетели» —
Хорошая это картина. —

Мужчина был плохо одетый.
Видать, одинокий. Из пьющих.
Она — из не больно красивых
И личного счастья не ждущих.

Ее проводил он до дома.
На улице было морозно.
Она бы ' его пригласила,
Но в комнате хаос, и поздно.

Он сам напросился к ней в гости
Во вторник на чашечку чаю.
— У нас с вами общие вкусы
В картинах, как я замечаю...

Два дня она драила, терла
Свой угол для скромного пира.
Пошла, на последние деньги
Сиреневый тортик купила.

Под вечер осталось одеться,
А также открытку повесить —
«Грачи прилетели». Одедась.
Семь, восемь. И девять. И десять.

Семь, восемь. И девять. И десять.
Поглядывала из-за шторки.
Всплакнула. И полюбовалась
Коричневой розой на торте.

Себя она не пожалела.
А про неудавшийся ужин
Подумала: «Бедненький тортик,
Ведь вот никому ты не нужен!..»

«Наверно, забыл. Или занят.
Известное дело — мужчина...»
А все же «Грачи прилетели» —
Хорошая очень картина.

* *
*

У меня пред тобою вина.
И ее не смывает волна.
Не смывает прошедшего горя
Благодать полунощного моря.
У меня пред тобою вина,
Что осталась на все времена,
Времена, что белей и короче,
Чем короткие белые ночи.

* *
*

Тебя мне память возвратила
Такой, какую ты была,
Когда «Не любит!» говорила
И слезы горькие лила.

О, как мне нужно возвращенье
Из тех невозвратимых лет,
Где и отмщенье и прощенье,
Страстей непроходящий след.

И лишь сегодня на колени
Паду. Ведь цену знаю сам
Своей любви, своей измене.
Твоей любви, твоим слезам.

* *
*

Когда-нибудь я к вам приеду,
Когда-нибудь, когда-нибудь,
Когда почувствую победу,
Когда открою новый путь.

Когда-нибудь я вас увижу,
Когда-нибудь, когда-нибудь,
И жизнь свою возненавижу,
И к вам в слезах паду на грудь.

Когда-нибудь я вас застану
Растерянную, как всегда.
Когда-нибудь я с вами кану
В мои минувшие года.

ПЕСЕНКА БЕЗ СЛОВ

Хотел бы сказать тебе:
«Радость моя!» —
Но радость мне не по годам.
Хотел бы сказать тебе:
«Сердце мое!» —
Но сердце тебе не отдам.

Хотел бы сказать тебе:
«Счастье мое!» —
Но счастьем я не дорожу.
Раскланяюсь молча
При встрече с тобой.
И молча вослед погляжу.

* *
*

А помнишь, ты была тогда
Беспмятной воды —
На светлой глади ни следа,
Ни складки, ни черты.

Мы не останемся нигде
И канем в глубь веков,
Как отраженье на воде
Небес и облаков.

СЛОВА

Красиво падала листва,
Красиво плыли пароходы.
Стояли ясные погоды,
И праздничные торжества
Справлял сентябрь первоначальный,
Задумчивый, но не печальный.

И понял я, что в мире нет
Затертых слов или явлений.
Их существо до самых недр
Взрывает потрясенный гений.
И ветер необыкновенней,
Когда он ветер, а не ветр.

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло.

МАСТЕР

А что такое мастер?
Тот, кто от всех отличен
Своею сивой мастью,
Походкой и обличем.

К тому ж он знает точно,
Что прочно, что непрочно,
И все ему подвластно —
Огонь, металл и почва.

Суббота, воскресенье —
Другим лафа и отдых,
Копаются с весельем
В садах и огородах.

А он калечит лапы
И травит горло ядом
С миниатюрным адом
Своей паяльной лампы.

Когда заря над морем
Зажжется, словно танкер,
Он с мастером таким же
Готов бы выпить шкалик.

Но мастеров немного
Ему под стать придется.
И если не найдется,
Он выпьет с кем придется.

Не верь его веселью,
Ведь мастера лукавы
И своему изделью
Желают вечной славы,

А не похвал в застолье
Под винными парами.
Зачем? Ведь он же мастер,
И смерть не за горами.

ДРУГУ-СТИХОТВОРЦУ

Ю. Л.

Все, братец, мельтешишь, все ищем в «Литгазете»
Не то чтоб похвалы, а все ж и похвалы!
Но исподволь уже отцами стали дети,
И юный внук стихи строчит из-под полы.

Их надобно признать. И надо потесниться.
Пора умерить пыл и прикусить язык.
Пускай лукавый лавр примерит ученица
И, дурней веселя, гарцует ученик.

Забудь, что знаешь все! Иному поколенью
Дано себя познать и тратить свой запал.
А мы уже прошли сквозь белое каленье,
Теперь пора остыть и обрести закал.

Довольно нам ходить отсюда и досюда!
А сбиться! А прервать на полуслове речь!
Лениться. Но зато пусть хватит нам досуга,
Чтоб сильных пожалеть, а слабых уберечь.

Теперь пора узнать о тучах и озерах,
О рощах, где полно тяжеловесных крон,
А также о душе, что чует вещей шорох,
И ветер для нее — дыхание времен.

Теперь пора узнать про облака и тучи,
Про их могучий лет неведомо куда,
Знать, что не спит душа, ночного зверя чутче,
В заботах своего бессонного труда.

А что есть труд души, мой милый стихотворец?
Не легковесный пар и не бесплотный дым.
Я бы сравнил его с работою затворниц,
Которым суждено не покидать твердынь.

Зато, когда в садах слетает лист кленовый,
Чей светлый силуэт похож на древний храм,
В тумане различим волнение жизни новой,
Движение кораблей, перемещение хмар.

И ночью, обратясь лицом к звездам вселенной,
Без страха пустоту увидим над собой,
Где, заполняя слух бессонницы блаженной,
Шумит, шумит, шумит, шумит морской прибой.

ДОМ-МУЗЕЙ

Потомков ропот восхищенный,
Блаженной славы Парфенон...

Из старого поэта

...производит глубокое...

Из книги отзывов

Заходите, пожалуйста. Это
Стол поэта. Кушетка поэта.
Книжный шкаф. Умывальник. Кровать.
Это штора — окно прикрывать.
Вот любимое кресло. Покойный
Был ценителем жизни спокойной.

Это вот безмянный портрет.
Здесь поэту четырнадцать лет.
Почему-то он сделан брюнетом.
(Все ученые спорят об этом.)
Вот позднейший портрет — удалой,
Он писал тогда оду «Долой»
И был сослан за это в Калугу.
Вот сюртук его с рваной полкой —
След дуэли. Пейзаж «Под скалой».
Вот начало «Послания к другу»,
Вот письмо: «Припадаю к стопам...»
Вот ответ: «Разрешаю вернуться...»
Вот поэта любимое блюдце,
А вот это любимый стакан.

Завитушки и пробы пера.
Варианты поэмы «Ура!»
И гравюра «Вручение медали».
Повидали? Отправимся дале.

Годы странствий. Венеция. Рим.
Дневники. Замечанья. Тетрадки.
Вот блестящий ответ на нападки
И статья «Почему мы дурим».
Вы устали? Уж скоро конец.
Вот поэта лавровый венец —
Им он был удостоен в Тулузе.
Этот выцветший дагерротип —

Лысый, старенький, в бархатной блузе —
Был последним. Потом он погиб.

Здесь он умер. На том канapé.
Перед тем произнес изреченье
Непонятное: «Хочется пе...»
То ли песен? А то ли печенья?
Кто узнает, чего он хотел,
Этот старый поэт перед гробом!

Смерть поэта — последний раздел.
Не толпитесь перед гардеробом...

* *
*

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нету их. И все разрешено.

СТАНСЫ

Начнем с подражания. И это
Неплохо, когда образец —
Судьба коренного поэта,
Приявшего славный венец.

Терновый, а может, лавровый —
Не в этом, пожалуй что, суть.
Пойдем за старухой суровой,
Открывшей торжественный путь.

И, сами почти уже старцы,
За нею на путь становясь,
Напишем суровые стансы
Совсем безо всяких прикрас.

В тех стансах, где каждое слово
Для нас замесила она,
Не надо хорошего слога
И рифма пусть будет бедна.

Зато не с налету, не сдуру,
Не с маху и не на фу-фу,
А трижды сквозь душу и шкуру
Протаскивать будем строфу.

Великая дань подражанию!
Нужна путеводная нить!
Но можно ли горла дрожанье
И силу ума сочинить?

И как по чужому каркасу
Свое устроенье обжечь?
И можно ли смертному часу
И вечной любви подражать?

Начнем с подражания. Ведь позже
Придется узнать все равно,
На что мы похожи и гожи
И что нам от бога дано.

ДУЭТ ДЛЯ СКРИПКИ И АЛЬТА

М. П.

Моцарт в легком опьяненьи
Шел домой.
Было дивное волненьи,
День шальной.

И глядел веселым оком
На людей
Композитор Моцарт Вольфганг —
Амадей.

Вкруг него был листьев липы
Легкий звон.
«Тара-тара, тили-тили», —
Думал он.

Да! Компания, напитки,
Суета.
Но зато дуэт для скрипки
И альты!

Пусть берут его искусство
Задарма.
Сколько требуется чувства
И ума!

Композитор Моцарт Вольфганг,
Он горазд, —
Сколько требуется, столько
И отдаст.

Ох, и будет Амадею
Дома влет.
И на целую неделю —
Черный лед.

Ни словечка, ни улыбки.
Немота.
Но зато дуэт для скрипки
И альты.

Да! Расплачиваться надо
На миру
За веселье и отраду
На пиру,

За вино и за ошибки —
Дочиста...
Но зато дуэт для скрипки
И альты!

* *
*

В этот час гений садится писать стихи.
В этот час сто талантов садятся писать стихи.
В этот час тыща профессионалов садятся писать стихи.
В этот час сто тыщ графоманов садятся писать стихи.
В этот час миллион одиноких девиц садятся писать стихи.
В этот час десять миллионов влюбленных юнцов садятся писать стихи.

В результате этого грандиозного мероприятия
Рождается одно стихотворение.
Или гений, зачеркнув написанное,
Отправляется в гости.

* *
*

Не исповедь, не проповедь,
Не музыка успеха —
Желание попробовать,
Как отвечает эхо.

Как наше настоящее
Поет морозной ранью
И как звучит стоящее
За вековую гранью.

СОДЕРЖАНИЕ

Сороковые	3
Старик Державин	4
«Тогда я был наивен»	5
«Полночь под Иван-Купала»	5
Средь шумного бала	6
«Дай выстрадать стихотворенье!»	7
Память	8
Из детства	8
Выезд	9
Цыгане	9
Вечером	10
«Мне снился сон. И в этом трудном сне»	11
«Давай поедem в город»	11
«Кто устоял в сей жизни трудной»	12
«То осень птицы легче»	13
«И ветра вольный горн»	13
«Выйти из дому при ветре»	14
«Повтори, воссоздай, возверни»	14
«Перед тобой стоит туман»	14
«Примеряться к вечным временам»	15
«...И тогда узнаешь вдруг»	15
«И всех, кого любил»	16
Аленушка	16
Названья зим	17

«Была туманная луна»	17
«Пахло соломой в сарае»	18
«Грачи прилетели»	18
«У меня пред тобою вина»	20
«Тебя мне память возвратила»	20
«Когда-нибудь я к вам приеду»	20
Песенка без слов	21
«А помнишь, ты была тогда»	21
Слова	22
Мастер	22
Другу-стихотворцу	23
Дом-музей	25
«Вот и все. Смежили очи гении»	26
Стансы	26
Дуэт для скрипки и альты	27
«В этот час гений садится писать стихи»	29
«Не исповедь, не проповедь»	29

Давид САМОЙЛОВ

ДАЙ ВЫСТРАДАТЬ
СТИХОТВОРЕНЬЕ...

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковыненкова

Сдано в набор 28.11.86. Подписано к печати 02.02.87. А 00319. Формат 70 × 108^{1/2}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,30. Усл. кр.-отт. 1,58. Тираж 80000 экз. Изд. № 637. Заказ 4134.

Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.